

БУМАЖНЫЕ

СЕРДЦА

ДЖЕССИКА АНЯ БЛАУ

МЭРИ
ДЖЕЙН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б68

Jessica Anya Blau
MARY JANE
Серия «Бумажные сердца»

Печатается с разрешения HarperCollins Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg

Перевод с английского *Елизаветы Шульги*

Оформление обложки *Анны Гайворонской*

Автор иллюстраций *Дарина Бонроуд*

Блау, Джессика Аня.

Б68 Мэри Джейн : [роман] / Джессика Аня Блау; — [перевод с английского Шульги Е.] — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Бумажные сердца).

ISBN 978-5-17-156753-8

Балтимор, 1975 год. 14-летняя Мэри Джейн учится в школе для девочек, любит готовить с матерью, петь в церковном хоре и слушать мелодии из бродвейских постановок.

Её жизнь круто меняется, когда она устраивается няней на лето к маленькой дочке местного врача-психиатра. Благопристойная работа в уважаемом доме – одобряет мама выбор Мэри Джейн.

Вот только оказывается, лишь фасад дома соответствует представлениям ее матери, а за ним скрывается настоящий хаос: просроченные продукты в холодильнике, раскиданные повсюду вещи, отсутствие четких правил и... удивительная гармония, открытость, любовь, совершенно не свойственные домашнему укладу Мери Джейн.

Когда в дом к психиатру, доктору Коуну, приезжают на лечение звезды шоу-бизнеса — рок-музыкант с женой киноактрисой, мир Мэри Джейн встает с ног на голову.

Она даже представить себе не могла, каким окажется для нее это лето. И каким человеком, на самом деле, окажется она сама.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-156753-8

© 2021 by Jessica Anya Blau

© Шульга Е., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Посвящается Марсии и Нику

Миссис Коун показала мне дом. В каждой комнате мне хотелось задержаться подольше, разглядывая вещи, разбросанные и сваленные там, где им не место: покосившаяся стопка книг на конфорке плиты, кофейная чашка на обувной коробке в прихожей, медный Будда на батарее, розовый надувной матрас в центре гостиной. Шел 1975 год, мне едва исполнилось четырнадцать, и все мои представления о домах, интерьерах и чистоплотности передались мне точно по пуповине напрямую от моей матери. Когда миссис Коун босой ногой (с ногтями, выкрашенными красным с блестками лаком) откинула в сторону стопку свитеров, забытых на ступеньках лестницы, меня охватило будоражащее изумление: неужели люди действительно так живут? Нет, умом-то я понимала, что, конечно, живут — где-то на необъятном белом свете. Но и представить не могла, что найду такой дом здесь, в Роленд-Парке, лучшем районе Балтимора, если верить словам моей мамы.

На втором этаже двери были из темного дерева, и все, кроме одной, стояли открытыми. Нижнюю половину единственной закрытой двери украшали наклейки «ИМПИЧМЕНТ: сейчас или никогда» и прикрепленный скотчем плакат с изображением Снупи, задравшего мордочку в танце. Рисунки висели вкривь и вкось, будто клеил их кто-то пьяный, ползая на коленях.

— Это комната Иззи. — Миссис Коун открыла дверь, и следом за ней я скользнула мимо Снупи и оказалась в помещении, которое выглядело так, словно подверглось бомбардировке из пушки, стреляющей игрушками.

«Волшебный экран», настольная игра «Операция», «Лего», бумажные куклы, виниловые книжки-игрушки, книги Ричарда Скарри* и целая груда литых пластмассовых лошадок покрывали все видимые поверхности в комнате. Я представила, как сама Иззи или ее мама по вечерам ведет по кровати рукой, смахивая все это на пол.

— Иззи. — Я улыбнулась. Миссис Райли, наша соседка, говорила, что девочку зовут Изабель. Но «Иззи» нравилось мне гораздо больше — оно так вкусно шипело у меня на языке. Я не знала никого по имени Иззи или Изабель. Даже с Иззи Коун я никогда не встречалась. Но благодаря рекомендации миссис Райли, и после одного телефонного разговора с миссис Коун, я стала няней их дочери на целое лето. Сначала я думала, что миссис Коун устроит мне собеседование по телефону, но вместо этого она просто рассказала мне об Иззи. — Она не любит оставаться с ровесниками. Все, чем занимаются другие пятилетние дети, ей попросту не интересно. Зато со мной она готова проводить дни напролет, — рассказывала миссис Коун. — Обычно я ничего не имею против, но на это лето у меня другие планы, так что... — Она сделала паузу, и я растерялась, не зная, можно ли уже соглашаться на работу, или следует для начала дождаться от нее официального предложения.

Я слишком хорошо понимала пятилетнюю девочку, которая ни на шаг не желала отходить от своей мамы — я сама была такой, и тоже не хотела играть ни с кем, кроме нее. Я до сих пор с удовольствием помогала маме по дому, читала, сидя рядом с ней на диване, ходила с ней по магазинам в поисках самого вкусного перца или лучшего куска мяса. Если же мне приходилось общаться со сверстниками — например, когда всех одноклассниц приглашали в гости с ночевкой, — я чувствовала себя так,

* Ричард Скарри (1919–1994 гг.) — американский детский писатель и иллюстратор, автор книг для самых маленьких.

словно прилетела к ним с другой планеты. Откуда девочки знают, о чем шушукаться? Как они все умудряются думать об одном и том же? В зависимости от возраста, их мысли могли занимать куклы Барби, наряды, мальчики, прически, блески для губ или журнал «Teen Beat»*, но ничто из этого меня не интересовало. Близких друзей у меня не было вплоть до средней школы, когда сестры-близнецы Келлог переехали в Балтимор из Олбани, штат Нью-Йорк. Они тоже вели себя так, словно не были посвящены во все эти девичьи обычаи и ритуалы. Они запросто могли целый день просидеть у проигрывателя, заряженного пластинкой с песнями из «Пиппина»** , или за пианино, раскладывая сложные композиции на многоголосия с соблюдением мелодии, гармонии и даже басовых партий. Или смотреть повторы «Французского повара»*** , чтобы потом пытаться на практике воспроизвести один из рецептов, или просто готовить незамысловатый десерт из журнала «Дом и очаг».

Чем больше миссис Коун рассказывала мне об Иззи во время того телефонного разговора, тем больше мне хотелось взять ее под свое крыло. Подумать только: провести целое лето, заботясь о маленькой девочке, у которой нет друзей — ведь это намного лучше, чем устроиться на работу в бассейн загородного клуба, где я сама буду девочкой, у которой нет друзей! Я почти не вникала, когда миссис Коун озвучила, сколько они мне заплатят. Деньги казались приятным бонусом, и не более. Еще до окончания разговора я решила, что все заработанное буду откладывать, а в конце лета куплю себе проигрыватель, который смогу поставить у себя в комнате. Возможно,

* Журнал «Teen Beat» — популярный американский журнал для подростков.

** «Пиппин» — бродвейский мюзикл 1972 года на слова и музыку Стивена Шварца в постановке Боба Фосса («Кабаре», «Чикаго»).

*** «Французский повар» — кулинарное шоу Джулии Чайлд, выходявшее на американском телевидении с 1963 по 1973 гг.

у него даже будут отдельные колонки. А если хватит денег, разорюсь еще и на радио, чтобы слушать «Топ-40 Америки»: песни с пластинок, которые мама ни за что в жизни не разрешит мне купить.

Внизу открылась и сразу захлопнулась входная дверь. Миссис Коун застыла и прислушалась, склонив ухо к дверному проему.

— Ричард? — позвала она. — Ричард! Мы наверху!

Внутри все сжалось при мысли о том, что доктор Коун попросит называть его Ричардом. Миссис Коун предложила звать ее Бонни, но я не смогла. Даже мысленно я продолжала называть ее «миссис Коун», хотя, если откровенно, она в принципе не тянула на «миссис», никак. У миссис Коун были роскошные рыжие волосы, длинные и блестящие. Ее лицо густо усыпали веснушки, а губы она красила яркой оранжевой помадой. Одета она была то ли в длинную шелковую блузку, то ли в ультракороткое шелковое платье. Струющаяся ткань скользила по ее коже, не скрывая очертания сосков. Раньше чужие соски встречались мне только на плакатах со знаменитостями или в рекламах спиртных напитков. На мамины соски я тоже не видела и намек — пару раз, когда я заходила к ней в спальню и заставляла ее в лифчике, складывалось впечатление, что ее грудь закована в бежевые доспехи.

— Что?! — крикнул доктор Коун с нижнего этажа.

— Мама! — взвизгнула Иззи.

— Ричард! Иззи! Поднимайтесь!

Столько криков в нашем доме я не слышала за всю свою жизнь. Однажды, перед самым отходом ко сну, моя мама громко воскликнула: «Черт побери!», — когда наступила на осколок стеклянной тарелки, которую я днем разбила на кухне. Я думала, мир вот-вот рухнет, сложится пополам, как соломенная хижина, объятая огнем. Дело было не только в ругани: я впервые видела маму босиком. Глазами, вылезшими из орбит, я наблюдала, как она вытаскивает осколок из пятки.

— Мэри Джейн, — сказала мама, — сходи наверх и принеси мне тапочки, чтобы я могла как следует вымыть пол.

Когда тарелка разбилась, мама встала у меня за спиной и не спускала глаз, пока я собирала стекло. Очевидно, я справилась недостаточно хорошо.

— Почему ты босиком? — спросила я.

Мама только ответила:

— Вот почему никогда нельзя ходить босиком. А теперь иди за тапочками.

— Нет, вы спускайтесь! — прокричал доктор Коун с лестницы. — Иззи кое-что сделала!

— Да, я кое-что сделала! — воскликнула Иззи.

— Мэри Джейн пришла! — прокричала в ответ миссис Коун.

— Кто?! — переспросил доктор Коун.

— МЭРИ ДЖЕЙН! Няня на лето!

Я нервно улыбнулась. В курсе ли доктор Коун, что меня наняли работать в его доме? И как долго могут продолжаться эти оры, прежде чем они сократят расстояние между собой?

— Мэри Джейн! — послышался приглушенный топот ножек Иззи, когда она взбежала по лестнице в детскую. У нее было лицо ангелочка с викторианской валентинки и энергия шаровой молнии. Она мне сразу понравилась.

Не успела я и глазом моргнуть, как меня стиснули в объятиях.

— Она так ждала знакомства с тобой, — сказала миссис Коун.

— Привет. Я очень рада с тобой познакомиться! — Я пригладила пальцами медно-рыжие кудряшки Иззи, собранные в полупучок на затылке.

— Я кое-что сделала! — Иззи отвернулась от меня и обняла мать. — Пойдем, покажу!

В дверях появился доктор Коун.

— Мэри Джейн! Меня зовут Ричард. — Он протянул мне руку для рукопожатия, как взрослой.

Мама хорошо отнеслась к тому, что этим летом я буду работать у доктора и его жены. Она сказала, что дом, где живет доктор — это респектабельный дом. И снаружи дом Коунов, бесспорно, так и выглядел: это был просторный особняк с черепичной крышей и голубыми ставнями на всех окнах. И пусть лужайка выглядела не слишком опрятно (на газоне местами не росла трава, а живая изгородь наполовину иссохла и стала напоминать тощие руки оголодавших детей), моя мама все равно никогда бы не догадалась о грудах барахла, разбросанного здесь повсюду: на ступеньках лестницы, под ногами в коридоре и по всей комнате, где мы стояли в этот самый момент.

А еще мама никогда бы не подумала, что у доктора Коуна могут быть такие внушительные бакенбарды — густые и длинные, до самого подбородка. Его волосы представляли собой сплошную массу беспорядочных каштановых завитков, торчащих в разные стороны, словно он никогда не расчесывался. У моего папы волосы были гладкие и напоминали шлем, когда он тщательно зачесывал их набок. Я ни разу не видела его ни с усами, ни даже с вечерней щетиной на лице. Ни один человек моложе сорока в жизни не обратился бы к моему отцу иначе, как «мистер Диллард».

Если бы папа знал, что я работаю в семье доктора, он бы одобрил. Но он не обращал особого внимания на события моей жизни. Как, впрочем, и на какие-либо другие события. Каждый вечер он приходил с работы домой, устраивался в кресле у окна гостиной и читал «Ивнинг Сан», пока мама не объявляла, что ужин готов, после чего переходил в столовую, где садился во главе стола. Если мы не ждали гостей, что случалось редко, он продолжал читать газету, пока мы с мамой разговаривали. Время от времени мама пыталась вовлечь его в беседу, говоря что-нибудь вроде:

— Джеральд, ты слышал? Стихотворение мисс Хейзен, учительницы английского у Мэри Джейн, опубликовали в журнале! Ты можешь себе представить?

Иногда папа отвечал кивком. Иногда ронял что-то вроде «Замечательно» или «Однако». Чаще всего он просто читал газету, будто никто не произнес ни слова.

Когда доктор Коун шагнул вглубь комнаты и поцеловал миссис Коун в губы, я чуть не грохнулась в обморок. После поцелуя они отстранились друг друга не более чем на дюйм, и продолжили стоять в обнимку, о чем-то перешептываясь. Я хотела послушать, о чем они говорят, но мне помешала Иззи, которая уже всю болтала со мной, тянула за руку, подбирала вещи с пола и объясняла мне, что есть что, как будто я выросла в тундре и никогда не видела американских игрушек. Про «Лего» она сказала:

— Соединяешь кирпичики вместе и вуаля! — после чего подбросила детали, которые только что собирала, прямо в воздух. Сразу теряясь на общем фоне, они приземлились на груду круглоголовых пупсов, сваленных рядом с опрокинутым школьным автобусом.

Пока Иззи объясняла мне, как работает звуковой сигнал в «Операции», доктор и миссис Коун все еще разговаривали, продолжая дышать одной и той же тонкой струйкой воздуха. В «Операцию» я играла с близнецами Келлог и считала себя экспертом. Иззи поднесла пинцет к металлическому ободку, намеренно вызывая вибрацию, и захихикала. Затем посмотрела на своих родителей и сказала:

— Мам, *пойдем*, покажу тебе, что я сделала!

Доктор и миссис Коун одновременно повернули головы в сторону Иззи. Их тела все еще соприкасались от плеч и до пят, так что они напоминали собой единое двуглавое существо.

Иззи деловито повела нас вниз по лестнице, по пути чуть не споткнувшись о кактус в керамическом горшке. Миссис Коун шла за ней, я следовала за миссис Коун, а доктор Коун шел позади меня, без умолку тараторя. Им нужно было заняться третьим этажом. Купить новые ма-

трасы на кровати, а также заменить освещение. Могли бы получить прекрасные комнаты для гостей.

Когда мы вошли в гостиную, миссис Коун подобрала надувной матрас с пола и швырнула его в столовую. Тот ударился о длинный, заваленный хламом стол, после чего бесшумно осел на пол. Мы вчетвером собрались у кофейного столика, на котором лежали книги, кипы журналов и пачка инжирного печенья «Ньютон», имевшая такой вид, словно ее подрал волк. Рядом с печеньем, на покосившейся стопке книг в мягких обложках, стоял комковатый маяк из папье-маше. Он поднимался примерно на три фута в высоту и чуть заваливался вправо.

— Как красиво, — сказала я.

— Это маяк? — уточнила миссис Коун и наклонилась в сторону, чтобы получше рассмотреть.

— Да! В Чесапикском заливе!

Иззи отдыхала в лагере любителей парусного спорта в Иннер-Харбор. Сегодня был ее последний день. Миссис Коун упоминала о лагере во время нашего первого телефонного разговора. Она описала его как «сборище тепличных избалованных деток, которые на голубом глазу не допускают Иззи в свои игры».

— Просто великолепно, — постановила наконец миссис Коун. Она взяла маяк и подошла к камину. На каминной полке стояло еще больше книг, бокалы для вина, какие-то барабаны, сделанные из глины и шкур животных, и что-то, что я приняла за укулеле, но легко могло оказаться каким-то другим струнным инструментом. Она поставила маяк поверх книг.

— Идеально, — сказал доктор Коун.

— Похоже на гигантский фаллоимитатор, — проговорила миссис Коун тихо, как будто чтобы Иззи не услышала. Я не знала, что такое фаллоимитатор. Я бросила взгляд на доктора Коуна — казалось, он едва сдерживал смех.

— Класс! — воскликнула Иззи и, схватив меня за руку, потащила обратно наверх.

Может, инстинкты ее не подвели, и меня действительно стоило воспринимать как гостя из тундры. Я никогда не встречала людей, похожих на доктора и миссис Коун. И никогда не попадала в дом, где каждый уголок был забит вещами, которые хотелось разглядывать и подолгу обдумывать (возможно ли, что не всякий бардак был злом во плоти, которое необходимо устранить во что бы то ни стало?). Едва повстречав Иззи, я сразу к ней привязалась, и мысль о том, что мне предстояло стать ее няней, делала меня счастливой. Меня переполняли эмоции: мне не терпелось заняться новым для себя делом; не терпелось окунуться в мир, который так сильно отличался от привычного мне, что кожу начинало покалывать от предвкушения. Я уже не хотела, чтобы лето заканчивалось.

В свой первый день работы няней я надела красные махровые шорты и разноцветный топ, которыми пополнила свой гардероб этим летом. Мама сочла шорты слишком короткими, но ничего длиннее в центральном универмаге Балтимора мы найти не смогли, во всяком случае, в детском отделе. Она настояла, чтобы я собрала свои светло-русые волосы в хвост.

— Ты должна выглядеть профессионально, — сказала она. — Это ведь семья доктора.

Я причесалась, надела шлепанцы и выдвинулась в сторону дома Коунов. На улице было солнечно и тихо. Я шла мимо мужчин в костюмах, которые направлялись к своим машинам, чтобы ехать на работу. Единственной встретившейся мне женщиной оказалась наша новая соседка. Мы с мамой как раз проезжали мимо ее дома, когда грузчики выгружали мебель, и мама специально притормозила, чтобы посмотреть, как с грузовика спускают ситцевый диван.

— Слишком синий, — постановила она, как только диван исчез из виду.

Соседка была одета в практичные капри и клетчатую рубашку. Ее светлые волосы прикрывала тонкая голубая косынка, завязанная треугольником. Она стояла на коленях, склонившись над свежей лункой, вырытой в земляной насыпи, опоясывающей лужайку. Рядом с ней стоял деревянный ящик с разными цветами.

Когда я проходила мимо, она выпрямилась и рукой прикрыла глаза от солнца.

— Доброе утро, — поздоровалась она.

— Доброе. — Я замедлила шаг, но не стала останавливаться, хотя мне очень хотелось.

Она выглядела как актриса из фильмов Хичкока*. Очень красивая. Ухоженная. Были ли у нее дети? Муж? Была ли она местной? Ходила ли в частную школу Ролэнд-Парка для девочек, куда ходила я?

Прежде чем перейти дорогу, я обернулась и еще раз взглянула на соседку. Та копалась в земле, высоко задрав попу, а ее косынка хлопала на ветру, как птица, рвущаяся в полет. Вдруг она резко выпрямилась, поймала мой взгляд и помахала рукой. Я смущенно помахала в ответ и поспешила прочь.

Миссис Коун встретила меня, улыбаясь и держа в руках чашку кофе. Закрывая за мной входную дверь, она расплескала кофе на пол в прихожей. На ней была ночная рубашка, доходившая ей до колен. Спереди она расстегнулась, обнажая буквально все, что можно обнажить. Я старалась не смотреть.

— Все уже на кухне, проходи. — Она развернулась и убежала на второй этаж, не удостоив пролитую жидкость вниманием.

— Мэри Джейн?! — завопила Иззи. — Мы на кухне!

* Альфред Хичкок — британский кинорежиссер и продюсер, большинство его фильмов относится к жанрам триллера и детектива.

Словно не услышав ее, доктор Коун тоже крикнул:

— Мы на кухне!

— НА КУХНЕ! — повторила Иззи.

— Иду. — Я не смогла пересилить себя и перейти на крик, поэтому снова подала голос, когда, миновав гостиную и столовую, оказалась на кухне: — Я пришла.

Доктор Коун был одет в пижамные штаны с футболкой. Иззи — в розовые пижамные штаны без майки. Ее упругий животик смешно торчал над резинкой.

— Я раскрашиваю раскраску! — объявила Иззи.

— Обожаю раскраски.

Я устроилась рядом с ней на банкетке с голубыми подушками. Окно напротив кухонного стола выходило на задний двор, в сторону гаража. Там горела лампа — казалось, она стояла на столе или какой-то другой поверхности возле окна.

Доктор Коун проследил за моим взглядом. Ткнув пальцем в том направлении, он сказал:

— Это мой кабинет.

— В гараже?

Я вообразила там медсестру, больничные койки, капельницы с кровью и машины скорой помощи, въезжающие во двор.

— Да, когда-то там был гараж. А еще раньше — конюшня.

— У нас точно так же.

Наш район был построен около восьмидесяти лет назад одним из братьев Олмстед, которые спроектировали Центральный парк в Нью-Йорке. Здесь повсюду петляли извилистые дороги, росли немолодые деревья, а за каждым домом стояли конюшни. Мне нравилось, что наш район что-то объединяет с Нью-Йорком. Я часто фантазировала о том, как гуляю по Нью-Йорку среди бесконечных небоскребов, теряясь в толпе людей, заполнивших тротуары, как показывают по телевизору. Но больше всего я мечтала попасть на бродвейское представ-